

ЛЮБАЯ ВЛАСТЬ РАЗВРАЩАЕТ.
АБСОЛЮТНАЯ ВЛАСТЬ РАЗВРАЩАЕТ АБСОЛЮТНО.

ЖИЗНЬ

© Bielsamizdat

№ 1
1990

ВОЖДЕЙ

РУМЫНИЯ СЕМЬЯ ЧАУШЕСКУ

— Хочу норковую шубу!
— произнесла она тоном, не терпящим возражений. — Две шубы, длинную и короткую! У вас целая армия лентяев, которые только околачиваются на дипломатических приемах. Распорядитесь, пусть хоть раз что-то сделают. Уверена, что госпожа Арахис (так она называла супругу американского президента Джимми Картера, выращивавшего на своей ферме земляные орехи) и знать не знает, что такое норка. Все этого, я могу от нее ожидать, так это мешок орехов, не так ли?

— Насколько мне известно, — ответил я осторожно, — Джимми Картер хочет подарить вам свою книгу и альбом фотографий Румынии, сделанных с американского спутника.

— Вы подумайте, фермеры корчат из себя интеллигентов! Какую самую крупную частную компанию мы должны там посетить?

— «Тексас инструментс». Но я знаю, что у Товарища (так приближенные величали своего «вождя») на этот счет свой идеи...

— Осуществление желаний нашего Товарища вовсе не означает, что мои не могут быть исполнены!

На некоторое время я отвлекся, составляя в уме телеграммы, которыми собира-

— обратился он ко мне. — Скажите ему, чтобы все устроил.

Наутро меня вызвали к королю, у которого я застал нашего переводчика.

— Вы должны понять, эта яхта — мой подарок супруге Алии, — сказал король. — Но я могу заказать в США другую. Предлагаю назвать ее «Дружба».

Через год Хусейн сообщил, что яхта построена. Чаушеску велел мне отправиться в Стамбул и там ждать. Из Стамбула на яхте я отплыл на нашу военно-морскую базу в Мангалии. Яхту пришвартовали, и с тех пор она ни разу не выходила в море.

— Знаете что? — Елена прервала мои мысли. — Не забудьте включить в программу посещение ювелирных выставок. В смысле драгоценностей у Нью-Йорка более высокая репутация, чем у Вашингтона.

— Я сделаю все, чтобы было именно так, товарищ Елена Чаушеску.

— Вы очень любезны. Есть ли новости о Михе?

— Ничего особенного. Михай — молодой журналист, работавший в журнале «Лумя». После наблюдений за ним была обнаружена любовная связь с дочерью Елены — Зоей. Мать была против их отношений,

поскольку считала, что Михай «плебейского происхождения». «Вы посмотрите только, как он ходит!» — часто восклицала она, глядя на снятые нашей службой кинокадры. А когда увидела Михая в джинсах, просто рассвирепела:

— Не хочу больше видеть, как эта дрянь вертится вокруг Зои! Избавьте меня от него, устройте автомобильную катастрофу или что-то в этом роде. Правда, я боюсь, что моя упрямая до-

— Все мое время, Елена.

— А если он опять начнет волочиться за Зоей? Даже оттуда?

— В Африке, Елена, может всякое случиться. Человека могут найти мертвого на улице. Например, его сойдет автомобиль. Дай мне немного времени поразмыслить...

— Ник, мое терпение имеет границы!

Сам Чаушеску редко вмешивался в личную жизнь своих двух сыновей и дочери. Как правило, он старался переложить родительские обязанности на других. Например, старшего сына Валентина отдал на попечение румынского посла в Великобритании Василе Пунгана. Получив образование в Оксфорде, Валентин после возвращения в Румынию не скрывал, что разочаровался

иностранных дел Мирча Малита. У Чаушеску возникла идея сделать дочь послом. Малита помог Зое защитить кандидатскую диссертацию по математике, развивал у нее склонность к логическому мышлению и независимости духа и, что было весьма неосторожно с его стороны, позволял ей много времени проводить с «обычными» студентами. В конце 1975 года Зоя даже стала бывать на встречах диссидентски настроенных учащихся. После того как их одного за другим стали арестовывать, она публично выступила против культа личности отца и политических интриг матери. Одно время даже отказывалась носить фамилию Чаушеску. К тому же Зоя категорически отвергала кандидатов в мужья, которых подбирала мать. Бунтарство привело к тому, что Елена Чаушеску организовала тотальную слежку за дочерью: подслушивающие устройст-

ва на квартире Зои были установлены даже в ванной комнате, были они и в ее «мерседесе», хорошо известном бухарестской «золотой молодежи». Несколько агентов вели слежку за ней день и ночь.

Разочаровавшись в Валентине и Зое, Чаушеску все свои надежды возлагал на младшего сына Никку. Еле-

счет свои идеи...

— Осуществление желаний нашего Товарища вовсе не означает, что мои не могут быть исполнены!

На некоторое время я отвлекся, составляя в уме телеграммы, которыми «обраду» наши представительства в Нью-Йорке и Вашингтоне.

— Вы не слушаете?

— Да, товарищ Чаушеску.

— Не любите норковые шубы? — И не дожидаясь моего ответа, продолжила:

— Взгляните на ситуацию трезво. Сегодня Румыния так же знаменита на Западе, как Эйфелева башня, и столь же почитаема, как английская королева. Все это благодаря Товарищу и мне. Куда бы мы ни поехали, всюду нас хотят отблагодарить, но не знают, как это сделать, и мы здесь должны помочь. Помните Германию? Достаточно было произнести слово «автомобиль», как все начали дарить нам автомашины. Сколько мы их получили тогда в Германии?

— «Мерседес-600» для Товарища, «мерседес-450» для вас, один «мерседес-пикап» для Зои, два «ауди» для Нику, не считая летнего домика на колесах 12-метровой длины для кабинета Товарища.

— А помните короля Хусейна? Эту историю с яхтой?

Дело было в 1975 году, когда я сопровождал чету Чаушеску во время встречи с иорданским королем Хусейном на борту его яхты. Елена впервые в жизни очутилась на таком судне и едва не рыдала:

— Хочу эту яхту, — повторяла она. — Хочу! Я не вернусь без нее!

Чаушеску идея, очевидно, понравилась.

— Наш переводчик хорошо знаком с Хусейном,

драгоценностей у Нью-Йорка более высокая репутация, чем у Вашингтона.

бильную катастрофу или что-то в этом роде. Правда, я боюсь, что моя упрямая до-

сфорде, Валентин после возвращения в Румынию не скрывал, что разочаровался

«мерседесе», хорошо известном бухарестской «золотой молодежи». Несколько агентов вели слежку за ней день и ночь.

Разочаровавшись в Валентине и Зое, Чаушеску все свои надежды возлагал на младшего сына Нику. Его образование он доверил Штефану Андрею и Корнелиу Пакостэ, двум «выдающимся» представителям нового поколения румынской интеллигенции, как любил выражаться «вождь».

— Я хочу, чтобы Нику стал министром иностранных дел! — говорил Чаушеску.

— А я вижу Нику на посту президента Румынии! — спорила Елена.

Нику действительно мало походил на брата и сестру. С детства презирал школу, любил подражать агентам из личной охраны Чаушеску и тем, кто охранял его самого. Когда подрос, с презрением стал относиться к Валентину и Зое. Те упрекали Нику в том, что он не прочитал ни одной книги, но отец и мать буквально тряслись над младшим отпрыском. В 14 лет, когда Нику изнасиловал одноклассницу, они в «награду» подарили ему автомобиль. В 15 лет у него был собственный катер. В 16 лет Нику превра-

тился в заправского «плейбоя», известного в Бухаресте своими скандальными похождениями. В пьяном виде он часто устраивал аварию. «Мы должны воспитывать его больше и лучше», — повторял Чаушеску-старший, а сына учил: «Пей меньше, больше работай». Это был единственный совет отца.

Пачепа вспоминает, как на открытие гостиницы «Интерконтиненталь», построенной американцами в Бухаресте, заявился Нику Чаушеску, тащивший за руку перепуганную девушку.

Священный Дуб и Нежный Поцелуй

Перечень титулов Николае ЧАУШЕСКУ, которые придумывались его придворными подхалимами.

Великий Герой
Испытанный Вождь
Отец и Друг Молодежи
Основатель Государства
и Истории
Прославленный Отец
Отечества
Нежный Поцелуй Родной Земли
Провидец Будущего
Наш Мировой Бог
Титан из Титанов
Сын Солнца
Наша Полярная Звезда
Маяк

Наивысшая Мачта
Священный Дуб Славы
Румынии
Вершина на Страже
Государства
Могучий, как Карпаты
Символ Мира и Света
Бьющий Источник Чистой Воды
Живой Огонь
Князь Грации
Наш Путь в Будущее
Наша Совесть
Наша Теплая Весна
Он — Сама История
Румынии

Он и есть Румыния
Он — Мед наших Слов
Он — Наша Судьба
Сокровищница Мудрости
Наимудрейший Кормчий
Несравненный Стратег
Наш Лоцман
Дарующий Законы
Человек — Боевой Стяг
Человек с Нравственностью Святого
Человек-Легенда
Чудесное Воплощение
Добра
Часовой Святой Любимой Родины
Первый Труженик Страны
Сердце Партии и Народа
Архитектор Государства
Сама Правда
Спаситель.
Еженедельник «Реформ».
(Венгрия).

— Не забуду.

Во время зарубежных визитов Чаушеску службе безопасности всегда приходилось организовывать лично для Елены посещение знаменитых ювелирных мастерских. Это была нетрудная работа. Елена всегда покупала огромное количество драгоценностей. Расплачиваться приходилось, разумеется, из государственной казны.

— У меня такое впечатление, что наш официальный визит в Америку начинается хорошо. Как вы думаете, Пачепа?

ченька пойдет на скандал. Нужно послать его за границу, чтобы оттуда он не вернулся!

У Елены родилась идея отправить Михая в румынское посольство в Гвинею.

— Помните Конакри? Посол нам рассказывал о случае с одним механиком, которому какие-то насекомые забрались чуть ли не в мозг. Есть там насекомые, откладывающие яйца под кожей черепа. Вот я бы хотела видеть фотографию Михая, когда с ним произойдет то же самое.

в родителях. Он выбрал карьеру ученого-физика вопреки требованиям отца, который хотел, чтобы тот изучал марксизм. Окончательный разрыв между отцом и сыном произошел после того, как Валентин женился на дочери одного из противников режима. Его сразу же лишили наследства, а в резиденцию Чаушеску допускали лишь тогда, когда отца там не было.

Когда дочери Зое исполнилось 15 лет, ее «опекуном» стал замминистра образования, потом министр

— Салют! — крикнул он. — Я пришел сюда развлечься, и что я вижу? Шайку контрреволюционеров! Половина членов правительства куется заговор и наслаждается жизнью в капиталистической гостинице, а возглавляет их наш главный шпион!

Он громко засмеялся и грубо оттолкнул свою спутницу:

— Подожди где-нибудь. У меня с господами государственные дела.

— Я побеспокоюсь о даме, если позволите, — вмешался директор отеля.

— Зачем? Пусть проваливается! Я могу любить и другую. В этой стране больше десяти миллионов женщин!

Пока Елена продолжала монолог, снова зазвонил телефон. В трубке я услышал голос Чаушеску, который спрашивал, не собирается ли супруга вечером посмотреть кино.

— Не хочу никакого кино! Нам надо поговорить дома, и немедленно!

Елена бросила трубку и быстро вышла из комнаты. Стук ее высоких каблуков по мраморному полу пулеметной очередью отдавался в моих ушах.

На следующее утро в 6 часов меня вызвали к Чаушеску. Николае и Елена ждали в оранжерее.

— Михай должен бесследно исчезнуть! — приказал Чаушеску. Он распорядился, чтобы журналиста немедленно отвезли за границу и чтобы ни Зоя, ни в редакции «Лумя» об этом не знали.

— Завербуйте его как агента службы безопасности и посадите в первый же самолет до Туниса.

— В Гвинею, Ник! — взмолилась Елена. — Прошу, сделай это для меня!

— Сначала в Тунис. Советник-посланник — преданный нам человек. Он будет докладывать только вам, генерал. А вы — мне или Елене. Министерство иностранных дел об этом ничего не должно знать.

— Ник, я умру, если ты не отправишь этого мистера Блю Джинс в Конакри!

— Садитесь, товарищ Ник! — сказал Георг Опря.

ское хозяйство. Под строжайшим секретом он распорядился наладить в Румынии изготовление искусственных алмазов, которые затем нелегально «выбрасывались» на мировой рынок, принося клану диктатора валюту.

Как-то, вспоминает Пачепа, мне позвонил Чаушеску:

— Сегодня поедem на фабрику «Звезда».

«Звезда» — условное обозначение, придуманное семейством Чаушеску для слова «алмаз». Супруги были просто поражены тем, что видели у Бокассы, правителя Центральноафриканской Республики (позднее провозглашена империей), и решили во что бы то ни стало добиваться у него концессий для Румынии. В 1975 году они пригласили Бокассу в Бухарест и буквально всучи-

ли ему молодую румынку Габриэлу, заранее подготовленную для «спецзадания». Несколько недель спустя по требованию Бокассы Габриэлу на личном самолете «Товарища» и в сопровождении близкого советника Чаушеску — Пунгана — отправили в Африку. Благодаря Габриэле — агенту тайной службы и новой супруге Бокассы — Румыния получила право на участие в добыче алмазов. Доходы от их продажи шли в швейцарские банки. Два года Габриэла прекрасно исполняла свою роль, но затем, насмерть перепуганная привычками Бокассы (позднее его обвинили в людоедстве), бежала в Париж с чемоданами, набитыми драгоценностями. Чаушеску испугался, что французские журналисты все разносят. Поэтому распорядился, чтобы спецслужбы пустили слух, будто император прогнал Габриэлу и она снова в Бухаресте. Операция удалась, если судить по тому, что французская газета «Канар аншене» писала, что Габриэла опять очутилась за «железным занавесом».

Мысль о доходах, которые могут принести алмазы, не давала покоя Чаушеску. В 1975 году, пишет Пачепа, он потребовал, чтобы возглавляемая мною служба приобрела технологию и оборудование для производства

угольной промышленности подарил «вождю» большую золотую булавку, на которой было выгравировано «Чаушеску и народ». Министерство сельского хозяйства преподнесло огромный початок кукурузы из золота, а министерство внутренних дел — телевизор с дистанционным управлением из платины. Служба госбезопасности расщедрилась на охотничье ружье, изготовленное по спецзаказу на знаменитой английской фирме «Холанд энд Холанд». Но больше всего Чаушеску любил вазой с алмазами. Она еще долго стояла на столе в его кабинете. Отпраздновав день рождения, он изъявил желание побывать на фабрике «Звезда».

Было около двух часов дня, когда Чаушеску, пробудившись ото сна, сел ко мне в автомобиль. Сопровождала нас только одна машина с сотрудниками госбезопасности. Несколько часов мы провели на фабрике. Никогда не забуду, какими глазами он смотрел, когда я открыл сейф и показал образцы продукции. На обратном пути он не проронил ни слова.

— Вы сделали хорошее дело, — сказал Чаушеску, когда мы остались одни в кабинете. — Сейчас мы можем производить алмазы на высоком уровне. Ваша служба будет тайно продавать «звезды» на западном рынке. Так мы уже делали с наркотиками, которые пытались провезти контрабандой через нашу территорию. А сколько у нас на счету номер ТА-78?

Я быстро перелистал блокнот.

— Около 400 миллионов долларов.

— Деньги от продажи алмазов кладите на тот же счет.

— Есть, товарищ Чаушеску.

— И еще. Надо, чтобы Тель-Авив и Бонн больше платили нам за евреев и немцев.

Чаушеску имел в виду цену, которую Румыния требовала в обмен на предоставление выездных виз своим

гражданам еврейской и немецкой национальностей.

«производителя» мяса. Кроме птицеферм, в его ведении находились фермы по выращиванию крупного рогатого скота, перерабатывающие предприятия, целый парк автохолодильников марки «мерседес» для зарубежных перевозок. Тогдашний министр МВД Александру Дрегич жаловался Георгиу-Дежу на нехватку специалистов. Ответ был всегда один: «Поищите их в тюрьме. Не найдете — ищите на улице и сажайте в тюрьму».

О «торговле» с Израилем не знало даже ближайшее окружение Георгиу-Дежа, в том числе и Чаушеску. Узнал об этом, став генсеком. Чаушеску на первых порах отменил прежнюю договоренность с Израилем, но по прошествии двух лет, вкусив власть, вернулся к прежней практике. Только теперь за визы надо было платить твердую валюту. В 1978 году одна виза стоила от 2 тысяч до 50 тысяч долларов, в некоторых случаях сумма доходила до четверти миллиона. Вдохновленный результатами операции, Чаушеску дал команду спецслужбе предложить подобную сделку ФРГ. Такая операция сулила большие барыши, ибо немцев в Румынии проживало около миллиона. В феврале 1972 года Чаушеску пришла в голову новая идея. «Отныне, — сказал он, — ни один румынский гражданин, будь то ев-

рей, или немец, не получит визу, если предварительно не согласится работать на нашу разведку». Но операция по вербовке не дала большого эффекта. Многие граждане, оказавшись за пределами Румынии, отказывались сотрудничать с «Секуритате». В конце 1977 года у вождя возникла еще одна мысль. В обмен на визы он вознамерился получить у Израиля чертежи современного американского или английского танка.

В главе с характерным названием «Товарищи забавляются» Ион Пачепа рассказывает о вечеринке в загородном доме министерства внутренних дел — с садом «а-ля Версаль», официантами в белых перчатках, теннисным кортом и даже миниатюрным ипподромом.

том же городе, что и Елена Чаушеску). Василе Миля станет начальником генштаба. Меня же хотят назначить секретарем аппарата президента.

— Товарищ вам доверяет, как самому себе, — шепнул Опря и полез со мной целоваться. Тут поднялся Эмил Бобу, заместитель главы государства, и попросил минуту внимания.

— Друзья, — начал он. — Меня как ответственного за вопросы религии информировали, что попы и раввины собираются сегодня утром устроить молебен. У них свои боги. Мы с вами, товарищи, — атеисты, но мы, разумеется, верим в наших живых богов в Румынии — товарищей Николае и Елену Чаушеску!

Все зааплодировали и принялись скандировать: «Чаушеску — народ!». Совершенно пьяный генерал Олтяну в это время плакал, положив голову на клавиши фортепьяно, а генерал Миля, встав на стул, пытался по-

целовать висевший на стене портрет Елены. Коман снял пиджак и галстук и пригласил всех на народный танец «хора». Это был единственный танец, который любил Николае...

Чаушеску мечтал о том, чтобы Румыния превратилась в центр мировой политики. Лично себя он видел на месте главной политической фигуры и покровителя «третьего мира». При этом он не брезговал ничем, пытаясь завоевать популярность у руководителей развивающихся стран. Образчиком лицемерия можно считать его отношение к лидеру ливийской революции Каддафи. В начале 70-х годов Чаушеску, решив, что пришло время лично познакомиться с ним, стал «по-своему» готовиться к визиту в эту страну. Перед поездкой в Триполи он, по словам Пачепы, распорядился увеличить число своих агентов в столице Ливии, чтобы собрать максимум сведений о ливийском руководителе.

Во время переговоров он всячески льстил Каддафи и исламу.

— Я питаю к верующим глубокое уважение...

Елене. Министерство иностранных дел об этом ничего не должно знать.

— Ник, я умру, если ты не отправишь этого мистера Блю Джинс в Конакри!

— Садитесь, товарищ Нику, — сказал Георге Опря, близкий к Чаушеску руководитель, уступая ему стул. Крикнул официанту: — Прибор для товарища Нику!

— Что вы будете есть, товарищ Нику?

— Устриц. Хочу устриц, — пробормотал Нику, глядя по сторонам помутневшими глазами. Он был, как всегда, «под газом». — Когда мой старик сыграет в ящик, вы, Опря, будете моим первым министром.

— Устрицы для товарища Нику Чаушеску! — прокричал Опря. Такая проворность и привела его в свое время на высокий пост.

Подали устриц. Нику быстро схватил два бокала и мгновенно опорожнил их. Опря поднял свой:

— От имени всех нас просим товарища Нику передать наши чувства товарищу Чаушеску и заверить его в безграничной преданности коммунистической партии и ее вождю...

— Прочь руки, бесстыдник! — раздался голос Сильвии Лукиан, жены заместителя министра внутренних дел. Она в ужасе оттолкнула от себя Нику, который пытался ее облапить. Вдруг он резким движением сорвал блузку с Сильвии. Все остолбенели. Сильвия принялась бить Нику по щекам, пытаясь вырваться из его рук. Спустя несколько минут прием был окончен...

Николае Чаушеску всеми правдами и неправдами пытался добраться до новейшей западной технологии. Особенно его интересовали производство оружия, химическая промышленность и сель-

сом». Мысль о доходах, которые могут принести алмазы, не давала покоя Чаушеску. В 1975 году, пишет Пачепа, он потребовал, чтобы возглавляемая мною служба приобрела технологию и оборудование для производства искусственных камней. Мы постарались, и через два года я уже мог продемонстрировать «Товарищу» первые образцы экспериментальной продукции. Чаушеску немедленно приказал тайно построить целую фабрику по производству алмазов.

— Я знаю, что это не ваш профиль, — сказал он. — Но боюсь, вы единственный, кто может выполнить задание и одновременно сохранить его втайне.

Действительно, я сделал все, чтобы выполнить вторую часть приказа. Первые испытания прошли осенью 1977 года, а промышленное производство началось несколько месяцев спустя. Когда Елена впервые увидела эти алмазы, она буквально остолбенела и сразу велела изготовить большую вазу, доверху наполнить ее алмазами, чтобы преподнести все в подарок «Товарищу» на его 60-летие — 26 января 1978 года.

По инициативе Елены все государственные учреждения, начиная от канцелярии премьера до самого бедного кооператива, должны были (проще говоря, их заставляли) преподносить дары «вож-

дю». Спецслужба получила задание использовать любые средства, дабы заставить иностранных представителей в Румынии тоже подготовить ценные подарки. Для поднятия «патриотического и интернационального духа» в срочном порядке был открыт музей подарков Чаушеску, правда, самые ценные не выставлялись, их заменили копиями. Министерство

платили нам за евреев и немцев.

Чаушеску имел в виду цену, которую Румыния требовала в обмен на предоставление выездных виз своим гражданам еврейской и немецкой национальностей. «Нефть, евреи и немцы — наши лучшие экспортные товары», — любил повторять он.

Автор книги «Красные горизонты» подробно рассказывает, как прежний румынский режим занимался «торговлей людьми» и какие имел с этого барыши. В начале 50-х годов израильская спецслужба предложила Бухаресту выплачивать за каждого румынского еврея, пожелавшего эмигрировать из страны, определенную сумму. Бухарест назвал такое предложение провокацией, но прошло несколько месяцев, и Георгиу-Деж, тогдашний лидер Румынии, согласился. Правда, в обмен не на деньги, а на... птицеферму, которую «под ключ» взялся построить Израиль. Год спустя новая ферма, оказавшаяся в ведении МВД, успешно работала в поселке к северу от Бухареста. Георгиу-Деж ферма так понравилась, что он разрешил сразу выдать 500 виз и заказал еще 5 ферм. К концу 1964 года румынское МВД превратилось в крупнейшего

названием «Товарищи забавляются» Ион Пачепа рассказывает о вечеринке в загородном доме министерства внутренних дел — с садом «а-ля Версаль», официантами в белых перчатках, тигром, теннисным кортом и даже миниатюрным ипподромом. Стены в доме были обиты голубым бархатом.

Вечеринка была в разгаре, в банкетном зале стояло густое облако табачного дыма, сновали официанты. Сквозь дым я заметил, что мне подает знак супруга Иона Комана, бывшего в то время министром обороны:

— Идите сюда, господин шпион. Я оставила для вас свободное местечко.

Всегда галантная и остроумная супруга министра назвала меня «шпионом» потому, что муж запретил ей обращаться на людях по именам к работникам службы безопасности. Кстати, это запрещалось не только ей. Рядом с нами уселся первый зампреьера Георге Опря. Он наклонился ко мне и тихо начал рассказывать, что сегодня у него состоялась доверительная беседа с Чаушеску и Еленой по поводу кадровых перемещений: Коман получит повышение и станет секретарем ЦК, а в министерстве обороны его заменит Константин Олтяну (кстати, он родился в

своих агентов в столице Ливии, чтобы собрать максимум сведений о ливийском руководителе.

Во время переговоров он всячески льстил Каддафи и исламу.

— Я питаю к верующим глубокие чувства, — уверял Чаушеску. — Вы верите в Коран, я — в марксизм. Но мы оба верим в независимость наших стран. Вы прогнали американцев, мы — русских. Вы строите независимую исламскую страну, мы — независимую марксистскую. По этой причине мы должны сотрудничать.

В конце беседы он сообщил, что сегодня его адъютант вылетает в Бухарест, чтобы к утру доставить в Триполи «важный документ». Наутро Чаушеску пришел на встречу с Каддафи, держа в руках обитый серебром лагерь. Он открыл крышку и достал древний фолиант.

— Это оригинал первого перевода Корана на румынский язык, ему несколько столетий. Существует только один экземпляр этой книги, но у меня только один брат. Это для вас, брат мой! — воскликнул Чаушеску.

Диктатор еще до того, как отправиться в Ливию, все рассчитал заранее: и ночной полет адъютанта в Бухарест, и подарок. Ион Пачепа вспоминает, как Чаушеску говорил о Каддафи: «Пускай думает, что мы очарованы его сильной личностью»...

Публикацию подготовил
Григорий ПОЛЕГАЕВ.

Газета Менскага аддзяленьня інфармацыйнага агенцтва

"БЕЛСАМВЫДАТ"

Кошт 1 рубель. Наклад 800 экз. На расейскай мове.

/Друкарня Марціна Кухты./